

УДК 316.7
ББК 71.084.2
DOI 10.25281/2072-3156-2021-18-4-352-364

Н.Г. ФЕДОТОВА

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ГОРОДА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ СИМВОЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО*

Наталья Геннадьевна Федотова,
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
кафедра философии, культурологии, социологии
доцент
Б. Санкт-Петербургская ул., д. 41,
Великий Новгород, 173003, Россия

кандидат философских наук
ORCID 0000-0003-4225-3666; SPIN 9484-2564
E-mail: fedotova75@mail.ru

Реферат. Статья посвящена исследованиям культурной памяти города. Актуальность ее изучения обусловлена не только фундаментальным аспектом, связанным с эпизодичностью существующих исследований данного феномена. С прикладной точки зрения культурная память города представляет собой тот символический ресурс, который города могут использовать для создания привлекательного образа, формирования позитивной и устойчивой городской идентичности, для укрепления чувств сопричастности жителя с городом. Накопление и объективация культурной памяти происходит в символических формах, что обуславливает важность исследований практик символизации городского прошлого, сущность которых состоит в генерировании значимости для горожан

актуальных или латентных слоев культурной памяти.

В работе представлены результаты завершающего этапа исследований, связанных с изучением процесса конструирования культурной памяти города. Целью статьи является анализ современных практик символизации фрагментов городского прошлого, которые детерминируют их значимость для современников. Опираясь на культурологический срез проблемы, автор интегрирует разные исследовательские контексты. Методологической основой работы выступает коммуникативный подход, позволяющий акцентировать внимание на процессах смыслообразования, а также конструктивистский метод, помогающий рассматривать память как многослойный и динамичный конструкт. Анализ практик символизации городского прошлого на примере российских городов демонстрирует, как в современном мире актуализируются эпизоды памяти города, каким образом культурные смыслы становятся памятными для горожан. Автор использует результаты предыдущих исследований и раскрывает следующие структурные элементы символизации городского прошлого: а) способы кодирования

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50476 «Культурная память города: современные практики символизации прошлого».

фрагментов прошлого; б) коммуникативные траектории символизации памяти; в) акторы производства значений о коллективном прошлом города. Полученные результаты открывают не только новые грани в понимании процессов формирования коллективных представлений о городе, но и перспективы эмпирическим исследованиям, прогнозированию и проектированию культурной памяти российских городов, обеспечивая им возможность менять свое настоящее и будущее.

Ключевые слова: культурная память города, коллективная память, символические практики, культура и личность, культура повседневности.

Для цитирования: Федотова Н.Г. Культурная память города: современные практики символизации прошлого // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 4. С. 352–364. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-4-352-364.

Коллективная память все чаще становится предметом исследований в самых разных областях науки (культурологии, философии, истории, политологии и пр.), что подтверждают тенденции развития современного научного дискурса. Среди причин подобного мемориального бума как свидетельства роста исследований в рамках memory studies следует назвать не только научный интерес к самому феномену коллективной памяти как одному из детерминантов структурирования социальной реальности, но и его тесную связь с локальными формами коллективной идентичности, которые переживают кризис в условиях глобализации и цифровизации общества. Как отметил М. Кастельс, в эпоху информационного общества, «когда мир становится слишком большим, чтобы быть контролируемым, а социальные субъекты стремятся уменьшить его обратно до осмысливаемого размера... люди стремятся... вспомнить свою историческую память» [1, С. 69].

Первичная концептуализация коллективной памяти (исторической, социальной), которая положила начало такого рода исследованиям, была осуществлена немецкими и французскими учеными (М. Хальбваксом, А. Варбургом, А. Ассманом, Я. Ассманом, П. Норой и др.). Трансформация научного знания относительно вопросов генерирования представлений о прошлом того или иного коллектива в целом позволила ученым рассматривать способы конструирования реальности сквозь призму интерпретации коллективного прошлого. Как показал М. Хальбвакс, «существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках...» [2, с. 30].

Между тем для изучения локальных форм идентичностей особым эвристическим потенциалом обладает концепт «культурная память», который актуализирует научный арсенал культурологического знания. Согласно Я. Ассману, культурная память коллектива скрепляется процессами передачи и актуализации культурных смыслов. Важным отличием культурной памяти является ее символическая природа, она «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций» [3, с. 23]. С другой стороны, культурная память включает в себя все многообразие различных практик, куда относятся «консервация следов, архивирование документов, коллекционирование произведений искусства и антикварных предметов...» [4, с. 25], как противоречивая структура, «в которой сочетаются, взаимно проникая друг в друга, припоминание и забвение» [5, с. 33]. Поэтому некоторые ученые трактуют ее как результат взаимодействия прошлого и настоящего в социально-культурном контексте [6, р. 2] или понимают как относительно устойчивую систему «значимых для группы представлений о прошлом, транслируемых в обобщенно-символических и универсально доступных формах, порождающую определенные ценностные ориентации и поведенческие модели членов группы» [7, с. 9].

Основанием типа коллектива, воспроизводящего и транслирующего общие представления о прошлом, не обязательно является национальный признак. Исходя из урбанистического контекста, культурной памятью обладает локальное сообщество в рамках города, что обуславливает появление новых дискурсивных аспектов, которые смещаются от культурной памяти нации (в частности, в контексте оправдания прошлого) в сторону исследований культурной памяти города, включая проблему конструирования различных вариантов городской реальности.

Вопрос о том, как, что и зачем помнить, следовательно, раскрывается в рамках городского сообщества. Это также позволяет обратиться к синтезу концепции культурной памяти с некоторыми аспектами городских исследований (urban studies), где актуальными являются вопросы формирования коллективных представлений о городе, определяющих то, как мы осмысливаем, воображаем и понимаем город. Воображаемый город, по сути, есть проекция чувственно-эмоционального опыта и практик, следов коллективной памяти, которые формируют его отличие от других городов [8, р. 46].

Культурная память города — это многослойное пространство хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов, которые «представляют собой значимые для горожан элементы культуры города (символы, образы, мифы), являющиеся единицами хранения культурной памяти», символически маркирующими городскую среду [9, с. 45].

Город имеет осмысленное прошлое, которое хранится и передается в символических формах (названиях, монументах и пр.). В данном контексте существуют направления исследований, которые раскрывают специфику изучения мест памяти через ментальные карты жителей [10], познания городской памяти с помощью открытия когнитивной деятельности обыденного сознания [11], анализа практик структурирования памяти города из совокупности текстов прошлого [12]. Такие эпизодические исследования могут приобретать новый импульс в рамках концепции культурной памяти города.

Помимо фрагментарности существующих исследований, актуальность изучения культурной памяти города обусловлена и прикладными аспектами. Память о нем представляет собой символический ресурс, который город может использовать для создания привлекательного образа и формирования городской идентичности. В связи с этим востребованным становится и пласт исследований, который связан с управлением коллективным прошлым, прежде всего в рамках политики памяти. Отсюда культурная память представляет собой тот фактор, который определяет настоящее, поскольку память, говоря словами А. Мегилла, есть «образ прошлого, субъективно сконструированный в настоящем» [13, с. 124]. Тогда как политика памяти города есть деятельность городского сообщества по формированию и использованию механизма «обоснования» памяти горожан и коммеморации под руководством муниципальной власти [14, с. 33]. В связи с этим одним из направлений процесса конструирования культурной памяти является изучение коммеморации, которая «располагается в широком смысловом диапазоне — от инструмента поддержания коллективной солидарности и трансляции памяти до конкретно-деятельностных форм воплощения этой памяти» [15, с. 81].

Однако данный процесс можно рассматривать и с другой стороны. Объективация культурной памяти, говоря языком Я. Ассмана, происходит в символических формах, что обуславливает важность исследований практик символизации городского прошлого, сущность которых состоит в генерировании значимости для горожан актуальных или латентных слоев культурной памяти. Культурологический срез данной проблемы позволяет интегрировать различные факторы символического кодирования памяти, которые в итоге формируют актуальную повестку памятования, определяя ценность образов городского прошлого.

Методологической основой такого подхода является коммуникативная парадигма, направляющая внимание на процессы смыслообразования. При этом исследуется не содержание культурных смыслов, а процесс их конструирования, в результате которого отдельные фрагменты прошлого становятся значимыми для горожан. Вместе с тем постмодер-

нистский подход и конструктивистский метод позволяют рассматривать память как многослойный и динамичный конструкт, устройство которого во многом обусловлено факторами социальной и культурной среды.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ГОРОДА

Исследования символических практик, раскрывающих процессы кодирования реальности в рамках культурологического дискурса, явление далеко не редкое. Оно опирается на солидный академический фундамент (например, в виде феноменологии символического обмена Ж. Бодрийяра, анализа структур символической власти П. Бурдьё или семиотического познания текстов культуры Ю. Лотмана). Символическую природу имеет и культурная память города, поскольку она «гальванизирует» прошлое в символах и представляет собой тот институт, который «проявляется, объективируется и накапливается в символических формах» [16, р. 17].

Изучение процесса символизации городского прошлого является ключом к пониманию того, как создаются символические формы, с которыми сталкивается горожанин (памятники, киноленты, музыкальные композиции), и становятся проводниками значений и ценностей прошедших эпох, источником «переживания» памятной информации. Подчеркнем, что прошлое представлено в настоящем в новом значении, актуальном для современников и нередко идеализированном. Это подтверждает и мнение Э. Кассирера, который подчеркивал, что «недостаточно простого повторения того, что было дано в другой момент времени... воспринимая содержание не как настоящее, а как прошедшее, сознание, тем не менее, хранит в себе его образ, а стало быть, представляет его как что-то исчезнувшее — и уже таким к нему отношением придает ему и себе иное, идеальное значение» [17, с. 26].

Культурная память имеет два уровня: биологический (как совокупность индивидуальных памятей определенного количества людей) и символический, связанный с «символическим порядком, средствами массовой информации, учреждениями и практикой, с помощью которых социальные группы строят общее прошлое» [6, р. 5]. К подобным результатам пришла в исследованиях и Ф. Йейтс, которая через анализ способов сохранения памяти о прошедших эпохах предлагает понятия естественной и искусной памяти (в нашем случае символической). Для сохранения искусной памяти, по ее мнению, требуются напоминания о прошлом через

места и образы: «Искусная память состоит из мест и образов» [18, с. 18]. С древних времен сообщества выбирали сакральные места, которые бы транслировали образы, а сами образы должны были выполнять функцию запоминания «слов» и «вещей». Так, «если мы хотим запомнить какую-нибудь лошадь, льва или орла, мы должны поместить в определенные места их образы» [18, с. 18].

Таким образом, символические свойства культурной памяти города проявляются в сакральном отношении современников к определенным образам прошлого — архитектурным, ландшафтным, персонифицированным и прочим, которые сконцентрированы в определенных местах. Подобные культурные смыслы объективируются в коммуникативных процессах, поддерживающих сакрализацию фрагментов культурной памяти (шествиях, форумах, конференциях). С другой стороны, значимыми они становятся в результате действий авторов культурной памяти города, интерпретирующих эпизоды прошлого и тем самым выстраивающих актуальную картину памяти города.

С позиции американского социолога Дж.К. Олика, культурная память представляет собой продукт «коллективных нарративов и символов, находящихся в распоряжении индивидов, а также социальных инструментов для их хранения и передачи» [19, с. 13]. Говоря иначе, речь идет не только об управлении прошлым, но и о способах кодирования фрагментов культурной памяти (миф или архитектурная композиция), которые являются проводниками ценности транслируемых смыслов. Символическое кодирование прошлого влияет на структурирование локальных идентичностей, которые во многом держатся на символическом разграничении полей и их конструировании акторами. По мнению М. Ламонт, последовательницы П. Бурдьё, коллективные идентичности во многом относительны, а отсюда непостоянна и культурная память. Данная относительность формируется за счет актуального культурного репертуара, «к которому люди имеют доступ, и структурным контекстом, в котором они живут» [20, р. 171]. Следовательно, границы отличий одних сообществ от других, включая городские, основаны на процессах кодирования значений.

По мнению М. Хальбвакса, «припоминание фактов обусловлено “рамками” и “ориентирами”, которые создаются обществом, в том числе и речью, представлениями о пространстве и времени» [2, с. 68]. Локальные сообщества осуществляют символическое кодирование реальности путем создания определенных значений (ориентиров и рамок), которые задают отношение к прошлому. В зависимости от семантики памяти возникают и определенные ценности образов городского прошлого. Семантика культурной памяти города раскрывает символический потенциал культурных смыслов города,

поскольку «семантическая память связывает отдельного человека с коллективом, социумом в целом, именно через нее происходит трансляция значимых для группы смыслов и моделей поведения» [7, с. 8].

Обращение к практикам символизации городского прошлого позволяет рассматривать культурную память города сквозь призму постоянного процесса кодирования реальности. Как отмечал Ю. Лотман, «под влиянием новых кодов, которые используются для дешифровки текстов, отложившихся в памяти культуры в давно прошедшие времена, происходит смещение значимых и незначимых элементов структуры текста... смыслы в памяти культуры не “хранятся”, а растут» [21, с. 201]. Новые культурные смыслы появляются в результате символизации прошлого, поэтому и культурную память следует понимать не столько хранилищем прошлого, сколько «пространством семантического “свертывания” представлений о прошлом в символические фигуры» [22, с. 253].

Исходя из символической природы культурной памяти города и используя коммуникативный подход, процесс символизации городского прошлого может рассматриваться путем акцента на следующих вопросах:

а) как символизируется культурный смысл (способы кодирования фрагментов городского прошлого);

б) каким образом происходит процесс символизации (коммуникативные траектории символизации памяти);

в) кто символизирует (акторы конструирования значений, производства коллективных представлений о прошлом города).

СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ ФРАГМЕНТОВ ГОРОДСКОГО ПРОШЛОГО

Знаковыми средствами, обеспечивающими символизацию культурных смыслов города, выступает все то, что позволяет кодировать и передавать ценную для коллектива информацию. В наши дни сюда следует отнести, прежде всего, практики объективации памяти, куда относятся не только установка и демонтаж памятников, но и открытие и проведение «культурных мероприятий и фестивалей; новых музейных экспозиций и новых музеев; переписывание текстов учебников и путеводителей, официальных текстов» [23, с. 10].

Понятие «код», согласно Ж. Бодрийяру, представляет собой тот инструмент, который позволяет «упорядочить и редуцировать» [24, с. 12] или, говоря иначе, использовать определенные сочета-

ния знаков для того, чтобы транслировать и воспринимать культурные смыслы. Символические коды культурной памяти представляют собой систему упорядочивания смыслов города для осознания прошлого и трансляции памятной информации о городе. С помощью кодирования происходит не только генерирование значений для горожан, но и формирование ценностей города. Современные практики кодирования фрагментов городского прошлого весьма многообразны.

Во-первых, такое многообразие можно рассматривать, выделяя визуальный и вербальный коды, как способы кодирования смыслов исходя из типов коммуникативного восприятия информации со стороны органов человека. К визуальному кодированию памяти относятся, прежде всего, материальные объекты (архитектура, арт-объекты), которые устойчивы во времени, обеспечивают пространственную привязку к сакральному месту, а их демонтаж говорит о пересмотре значения данного фрагмента памяти для современников.

Так, в Санкт-Петербурге в последнее время было установлено множество миниатюрных памятников (например, памятник Даниилу Хармсу) или таких, которые создают ценность городского пространства (памятник А. Ахматовой как способ сакрализации «ахматовского места»). Новая дата в календаре россиян отразилась в установке скульптурной композиции «Святые благоверные Петр и Феврония Муромские», которая символизирует ценность семьи у современных жителей города. Другие визуальные коды созданы, чтобы подчеркнуть уникальность городского прошлого. Среди них бронзовый кот как способ передать исключительное отношение петербуржцев к четвероногим, особенно после блокады Ленинграда. А установленная скульптура шарманщика с собачкой символизирует воплощение своеобразных маркеров города, напоминая о рыночном прошлом и создавая самобытную питерскую атмосферу.

Символизация аутентичных слоев культурной памяти городов в наши дни становится все более масштабной. Так, в Нижнем Новгороде одним из значимых фрагментов памяти для горожан является, согласно опросу, Нижегородская ярмарка [25, с. 73]. Среди визуальных кодов Нижегородской ярмарки, сохранившихся до наших дней, следует назвать, например, Главный ярмарочный дом, который поддерживается в культурной памяти нижегородцев путем реставрации здания, а также открытия фотовыставок, передающих культурный «ярмарочный код» того времени. В Великом Новгороде кодирование ганзейского прошлого происходит путем установки памятных мест (ганзейский фонтан), выпуска документальных фильмов, проведения выставок артефактов Ганзы (слитков, монет), формирующих ценность данного фрагмента памяти для современников.

А. Ассман отмечает, что нынешний век характеризуется так называемой гипервизуализацией, поскольку память передается не очевидцами, а посредством «фикциализации истории в виде захватывающего сюжета» [4, с. 35]. В информационном потоке именно визуальные знаки передают яркие образы прошлого, способствуя и их фиксации в культурной памяти. Современный мир теперь стремится быть «видимым, фотографируемым, снятым на кино- и фотопленку и в конечном счете быть спроецированным на экране» [26].

Вербальные коды играют не меньшую роль в современных практиках символизации городского прошлого. В них смысл передается через слово, причем не только наименованием, но и посредством сложных вербальных структур. По мнению Дж. Верча, память материализуется, объективируется в настоящем с помощью нарративов [27]. Сюжетные тексты, рассказывающие об эпизодах городского прошлого, во многом объясняют современные процессы, ведь с помощью нарративов «мы организуем нашу память, намерения, жизненные истории...» [28, с. 29]. Через нарративы, которыми оперирует память, происходит интерпретация настоящего и актуализация прошлого, которое наделяется смыслами для современников [29, с. 32], поскольку они «символизируют действительность, наполняют ее смыслом» [30, с. 8]. Следовательно, символизация прошлого в данном случае есть не что иное, как создание и репрезентация нарративов в городской среде с помощью самых разных средств, передающих память.

Так, с помощью мифа как упрощенного нарратива осуществляется сакрализация городского прошлого, формируется первичный уровень культурного смысла (события, процесса, факта). Например, образы городов Урала основаны на характерных мифах («бажовский миф», миф о Ермаке) и в отличие от мифов Центральной России, где города тяготеют к репрезентациям средневекового прошлого (Ярославль или Владимир), города Урала нередко осмысляются и понимаются на основе индустриального мифа. В данном случае миф производит символизацию структур культурной памяти города, которая строится в рамках имиджевых стратегий развития сибирских городов. Города Урала представляют собой целостный кластер региональных образов промышленной индустрии страны [31, с. 43].

С другой стороны, одной из современных практик вербального структурирования кодов культурной памяти является практика закрепления смыслов города в наименовании городских объектов (улиц, площадей, станций метро и пр.). Именно поэтому переход к новой эпохе отражается вербально. Так, крушение советской эпохи сопровождалось переименованием городов, которым возвращались исторические названия (Санкт-Петербург или Екатеринбург).

Если обратиться к опыту российских исследователей, изучающих визуальные и вербальные знаки, кодирующие культурные смыслы города, можно отметить их разное соотношение. Например, Пермь отличается, как говорят специалисты, «визуальной стертойостью», где видимые знаки практически не передают уникальные структуры памяти. Поэтому пермский проект предполагал процесс символизации фрагментов памяти, связанных с литературным прошлым Б.Л. Пастернака путем создания и укрепления культурных смыслов (публикации, общественные акции, открытие ресторана «Живаго», установка бюста, постановка мюзикла и пр.). В результате «активного конструирования и укоренения смысловых структур» [32, с. 142] в городском пространстве были закреплены латентные структуры памяти, а именно сформирован «пастернаковский слой».

К тому же символизация городского прошлого нередко сопровождается созданием поведенческих кодов, которые за счет включенности человека в памятное действие позволяют сформировать сопричастность к фрагменту памяти, пережить культурный смысл. В частности, ритуалы как важнейшая форма трансляции культурного смысла за счет повторения и спланированного сценария поддерживают символическое значение фрагмента памяти города (дата, подвиг, произведение известной личности). Нередко символическая дата сопровождается набором ритуалов, которые обеспечивают сакрализацию культурного смысла.

Важно отметить, что кодирование смыслов города требует не только толкования и интерпретации, но и изначального коллективного понимания и ценностного встраивания смысла в структуры поведенческих кодов горожан. Так, на примере анализа символического значения мест памяти об Афганской войне исследователи отмечают, что они «не поддаются расшифровке теми, кто не включен в контекст афганского опыта», в отличие от памятного наследия Великой Отечественной войны [33, с. 125]. В современных городах символизация памяти может происходить, в частности, в создании поведенческих кодов, сопровождающих шествия, фестивали (арт-фестивали или фестивали традиционных ремесел и пр.), которые декларируют культурные смыслы, приращивая тем самым их значимость, актуализируя памятные страницы города и памятные образы городского прошлого.

Ритуал и миф в современном обществе остаются важными элементами культуры и наиболее ярко они проявляют себя в праздничной культуре, которая «занимает особое место в формировании, воспроизводстве и сохранении культурной памяти» [34, с. 141]. Так, праздник позволяет символически передать сакральные смыслы городского прошлого путем воспроизводства памятных образов. Устойчивости этого процесса способствует не только приня-

тие ценности праздника со стороны сообщества, но и ритуальная сторона как поведенческий код, который закрепляет смысл праздника (во внешних атрибутах, в выборе меню для праздничного стола, в возложении предметов).

Другим из современных способов кодирования фрагментов городского прошлого следует назвать практики, которые направлены на создание уникального образа города. Поэтому городской брендинг является одной из эффективных практик символизации памятных структур города. Бренд сегодня «фактически становится социальным мифом — способом и средством осмысления человеком действительности и ориентации в ней» [35, с. 37]. В процессах брендинга часто используются аутентичные фрагменты культурной памяти, осуществляя тем самым кодирование городского прошлого в его узнаваемых знаках. Через бренд осуществляется символизация определенных слоев городского прошлого, актуализируются культурные смыслы, задающие ценности и социальные стереотипы. Так, в бренде Вологды птица отражает ценность православного слоя культурной памяти, в бренде Нижнего Новгорода использованы элементы хохломской росписи, а бренд Клина использует ценность музыки и звука путем обращения к творчеству П.И. Чайковского.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТРАЕКТОРИИ СИМВОЛИЗАЦИИ ПАМЯТИ

Для коммуникаций характерны разные траектории генерирования значений городского прошлого, в частности, исходя из условий смыслообразования. Как отмечает Н. Луман, «смысл может актуализироваться исключительно лишь событийным образом» [36, с. 15], т. е. в результате коммуникативного процесса, порождающего в событии (совместном бытии) культурный смысл. Именно в коммуникации происходит объективация и передача смысла (проведение лекции или созерцание картины), поскольку сами по себе символические формы не имеют значения. Я. Ассман подчеркивал, что культурная память существует лишь в «постоянном взаимодействии не только с воспоминаниями людей, но и с внешними символами» [16, р. 17]. Без совместного переживания и трансляции эпизода памяти (в событиях, публикациях, встречах, церемониях) культурные смыслы ценностно обедняются, не наполняются содержанием, следовательно, придаются забвению образы городского прошлого.

Рассмотрим основные траектории движения смыслов, или коммуникативные каналы генерации

смысла, которые обеспечивают процессы символизации городского прошлого.

1. Официальный и неофициальный уровни символизации городского прошлого. Как правило, весомая часть памятной информации о современном городе формируется целенаправленно, в рамках политики локальной памяти. Формы официальной памяти постоянно меняются, как «меняются границы между публичным и приватным», и эти изменения влияют на репрезентацию прошлого [37, с. 51]. На официальном уровне, как правило, закрепляются символические даты, формируется повестка в городе о том, что помнить и как помнить (от выбора репертуара памятования до коммеморативных практик сохранения памяти). К неофициальному уровню относятся не только гражданские инициативы (например, патриотические акции или объединения защитников интересов социальной группы), но и творческая активность народных коллективов, которые увековечивают фрагменты памяти в песнях, легендах, поговорках, праздничных событиях.

2. Коллективная и индивидуальная траектории символизации городского прошлого. Любой коллектив стремится осмыслить свое прошлое и сформировать понятное отношение к нему, в том числе и городское сообщество, которое участвует в расшифровке событий прошлого, в их отборе, интерпретации, оценке. Кроме того, в процесс символизации прошлого включены обычные люди (например, мемуары накладывают отпечаток на интерпретацию эпизодов коллективной памяти). Существуют исследования, в которых показано, как произведения отдельных людей (письма, биографии, дневники) становятся важнейшими коммуникативными каналами формирования коллективной памяти [38]. В эпоху цифровой культуры с появлением активных пользователей Интернета индивидуальная траектория генерирования городских значений становится все более заметной, что характерно для современной ситуации.

3. Рациональная и эмоциональная траектории символизации городского прошлого. Такие траектории выделяются исходя из способов формирования культурного смысла и их воздействия на человека. Рациональные включают, например, научно-популярные публикации и телепередачи, конференции и дискуссии, образовательные программы и лекции, которые, помимо передачи культурных смыслов города, предполагают наличие рефлексии со стороны получателя памятной информации. Эмоциональный канал действует иначе, например, через художественные образы, которые передают чувства, эмоции, переживания воссоздаваемого фрагмента памяти, дух города, характер его жителей, фиксируя «значимые слои воспоминаний» [39, с. 137]. Так, произведения искусства через яркие сюжетные линии «претендуют на правдивое изображение прошлого», поскольку «кинофильмы, мультфильмы

и комиксы, повествуя о целых исторических эпохах, оказывают более массовое и действенное воздействие на публику, нежели книги, музейные экспозиции или передвижные выставки» [4, с. 42].

4. Средства коммуникации, или медиа (печать, телевидение, радио, Интернет). Значение медиа в современном мире переоценить сложно. Как отмечает М. Кастельс, «мы живем в среде СМИ, и из них приходит большинство наших символических стимулов» [40, с. 322]. Медиа, как мощный генератор смыслов, играют ключевую роль в символизации городского прошлого путем аккумуляции и масштабной трансляции памятной информации о городе, фиксации повестки относительно репертуара культивируемых в сообществе фрагментов культурной памяти города. Следовательно, «репрезентация прошлого в СМИ является важным фактором, который определяет — какие эпизоды памяти будут считаться актуальными» [41, р. 405].

Между тем в современной цифровой культуре особое распространение получили новые медиа, куда входят блоги, подкасты, сервисы публикаций видеоматериалов (YouTube, Facebook, Twitter, другие социальные сети и пр.), для которых характерно экранное запечатление коротких эпизодов культурной памяти, а также виртуальные способы взаимодействия горожан (например, виртуальный «Бессмертный полк» или виртуальный музей). Следовательно, символизация городского прошлого приобретает новые аспекты в рамках цифровых коммуникаций, связанных со спецификой новых медиа. Речь идет не только об интерактивности коммуникативного пространства (тексты с памятной информацией находятся в постоянном процессе изменения и доработки благодаря сервисам и цифровым устройствам), открытости и доступности культурных смыслов. Электронный характер медиа обеспечивает постоянную и мобильную передачу культурных смыслов города — коротких и простых нарративов с характерными изображениями, свертывающими сложные памятные структуры в упрощенный цифровой контент. В качестве примера новых способов символизации фрагментов городского прошлого следует назвать сюжеты компьютерных игр.

АКТОРЫ СИМВОЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОШЛОГО

В процессах символизации городского прошлого взаимодействуют акторы, участвующие в генерировании значимости фрагментов культурной памяти города и способные «производить интерпретации реальности... и располагают ресурсами для их продвижения» [29, с. 31]. Акторы символизации городского прошлого, будь то индивиды или коллективы, осуществляют рефлекссию

коллективного опыта, его контекстную интерпретацию и тем самым формируют репертуар актуальных слоев культурной памяти. Целенаправленное «воспоминание», осуществляемое акторами, является частью политики памяти и коммеморативных практик (от экранизаций исторических эпизодов города до установления памятных дат). Для реализации подобной роли требуется либо наличие политической власти, либо авторитета в обществе, подкрепляемого доступом к медийным ресурсам (журналисты, религиозные деятели, ученые и пр.).

Исходя из уровней официальности и включенности в процесс управления коллективным прошлым, к акторам конструирования памятных структур можно отнести не только институты власти и такие официальные объединения как экспертные [42] или бизнес-сообщества, но и отдельные личности/социальные группы, участвующие в дискуссии по отношению к прошлому.

Действия официальных акторов могут происходить в контексте борьбы за интерпретацию смыслов коллективного прошлого. Культурная память при этом служит условием идентификации для коллектива людей [43, с. 51]. Поэтому коллективное прошлое, по сути, является той площадкой, «на которой можно бороться не только за интересы и ресурсы... но и за ту самую идентичность, которая в первую очередь поддерживает и организует эти интересы» [44, р. 49]. В локальном срезе данный аспект особенно актуален, поскольку для региональных властей культурная память города представляет собой источник формирования городской идентичности, тесно коррелирующей с процессами консолидации и солидаризации горожан, их уровнем самосознания, который напрямую влияет на активность участия жителей в делах города.

Акторы выполняют ряд важных ролей в коллективном памятовании. Во-первых, они интерпретируют фрагменты памяти и тем самым вырабатывают системную оценку эпизодов прошлого и понимание его значимости для настоящего, что показывают примеры некоторых российских городов. Так, в Омске фрагмент памяти, связанный с Гражданской войной, интерпретируется в городе неоднозначно не только по причине драматизма исторической ситуации, но и в результате применения стратегии забвения данного эпизода. Как следствие этого, в городе постепенно сформировался мощный эмоциональный отклик среди интеллектуальной элиты «по поводу того, на чьей стороне была правда <...>, что культурная память пока не может выполнить социально-терапевтическую функцию объединяющего характера» [45, с. 20].

Во-вторых, акторы генерируют культурные смыслы, «прикрепляя» образы прошлого к местам памяти, что обеспечивает их устойчивость. Места памяти «представляют собой своеобразную симво-

лическую структуру, они кодируют событие, явление... и передают его от адресата к адресату, от поколения к поколению» [46, с. 36]. Следовательно, «создание памятных мест (мемориалы, особые места встреч) можно назвать способом символической реконструкции определенного взгляда на прошлое» [47, с. 233]. Чтобы память жила, требуется постоянное воспоминание, активное включение в процесс памятования, иначе символическая форма станет частью декоративных ритуалов и действий, которые теряют ценность и остаются лишь тем, что Н. Нора называл реликтами. По его мнению, «места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит — нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [48, с. 25].

Места памяти некоторые ученые называют знаковыми и относят к ним культовые, сакральные места (здания, сооружения, природные объекты, населенные пункты и пр.). Интерпретации знакового места связаны «с конкретными локальными традициями (как индивидуальными, так и групповыми) мемориализации и символизации важнейших событий прошлого, становящихся... значимыми в настоящем» [49, с. 31]. При этом процесс интерпретаций, стирающий границы между прошлым и настоящим, отличается «креативностью, визуализацией, аутентичностью», и на основе языка дебатов об осмыслении прошлого возникают или обновляются «новые идентичности, привязанные к местам памяти» [50, с. 13]. В качестве инструментов акторы нередко используют институты культуры (музеи, архивы), в которых аккумулируется и структурируется памятная информация, а также институты образования или политические институты, через которые происходит трансляция культурных смыслов города.

Отметим, что современными акторами символизации городского прошлого могут быть пользователи Интернета, которые создают и многократно тиражируют образы городского прошлого на веб-ресурсах, участвуя тем самым в процессах структурирования культурной памяти города. Например, формирование культурных смыслов города в цифровой среде может обеспечиваться деятельностью блогера, который транслирует общедоступный контент об исторических эпизодах памяти города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало исследование, символизация городского прошлого представляет собой сложный процесс структурирования в городской среде культурных смыслов, задающих для горожан значимость определенных фрагментов

памяти, оценку событий прошлого и настоящего и тем самым обеспечивающих управление коллективным прошлым. Символические практики генерирования значений города многогранны, они имеют множество траекторий и способов образования смыслов, а их результатом является репертуар актуальных фрагментов коллективного прошлого современного города, которые определяют векторы осмысления и развития городской реальности.

Современные практики символизации прошлого отличаются не только сохранением традиционных кодов и акторов воспроизводства значений, но и масштабной медиатизацией памяти, появлением новых форм (например, использование аутентичных слов памяти в брендинге города), ростом количества эмоциональных и визуальных знаков в процессе памятования города. Кроме того, культурная память города сохраняется и передается теперь и в цифровой среде, характеризующейся наличием цифровых устройств и сервисов, интерактивным типом коммуникаций в Интернете, экранным характером микротекстов памяти. Виртуализация процесса сохранения и передачи культурной памяти города, которая сопровождается наличием неструктурированной памятной информации о городе, динамичностью появления и забвения культурных смыслов, актуализирует поиск механизмов, обеспечивающих устойчивость образов городского прошлого, от чего во многом зависит и укрепление городской идентичности.

Полученные результаты открывают новые грани в понимании процессов формирования коллективных представлений о городе. Вместе с тем с прикладной точки зрения результаты исследования могут применяться в прогнозировании и проектировании культурной памяти российских городов, обеспечивая им возможность менять свое настоящее и будущее.

Список источников

1. Castells M. The Power of identity: the information age: economy, society and culture. Vol. II. Chichester : Wiley-Blackwell, 2010. 538 p.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва : Новое издательство, 2007. 346 с.
3. Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 223 с.
5. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
6. Erll A. Cultural memory studies: an introduction // Cultural memory studies: an International and interdisciplinary handbook. Berlin ; New York : Walter de Gruyter. 2008. P. 1–18.
7. Шуб М.Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 4–11. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-1-4-11.
8. Bloomfield J. Researching the urban imaginary: resisting the erasure of Places // European studies: a journal of European culture, history and politics. 2006. № 23. P. 45–61.
9. Федотова Н.Г. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) // ПРАКСЕМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2 (20). С. 42–62. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-2-42-62.
10. Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 3 (83). С. 101–121.
11. Крокинская О.К. Культурная память и опыт в практиках конструирования будущего обыденным сознанием // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 4 (87). С. 142–158.
12. Buckler J. The City's memory: texts of preservation and loss in Imperial St. Petersburg // Preserving Petersburg. History, memory, nostalgia. Indiana. 2008. P. 39–56.
13. Мегилл А. Историческая эпистемология. Москва : Канон+, 2007. 480 с.
14. Капицын В.М. Политика памяти и символичный дизайн в городе // Вестник института социологии. 2015. № 2 (13). С. 30–42.
15. Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.
16. Assmann J. Communicative and Cultural memory // P. Meusburger, M. Heffernan, E. Wunder. Cultural memories. The Geographical point of view. London, New York, 2011. P. 15–27.
17. Кассирер Э. Философия символических форм. Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. Т. 1. 272 с.
18. Йейтс Ф.А. Искусство памяти. Санкт-Петербург : Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. 489 с.
19. Олик Дж.К. Память — это не вещь и не предмет. Память — это непрерывный процесс : интервью с Дж.К. Оликом // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 11–21. DOI: 10.31754/2409-6105-2018-4-11-21.
20. Lamont M. Culture and identity // J.H. Turner (ed.) Handbook of sociological theory. New York, 2002. P. 171–185.
21. Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин : Александра, 1992. 479 с.

22. Завершинский К.Ф. Политический миф как предмет исследований современной культурсоциологии // Миф в истории, политике, культуре. 2019. № 2. С. 252–254.
23. Макаров А.И. Политика памяти как элемент региональной культурной жизни // Власть. 2008. № 12. С. 8–11.
24. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Москва : Добросвет, 2000. 389 с.
25. Чернявская О.С. Нижний Новгород глазами нижегородцев: внутренний образ города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 1 (29). С. 69–76.
26. Оже М. От города воображаемого к городу-фикции // Художественный журнал. 1999. № 24. URL: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (дата обращения: 08.06.2021).
27. Wertsch J.W. Collective memory // Memory in mind and culture. Cambridge, 2009. P. 117–137.
28. Брокмейер Й., Харпе Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
29. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. 2018. С. 27–53.
30. Тульчинский Г.Л. Символическая презентация прошлого: нарративы, уровни, формы // Человек. Культура. Образование. 2016. № 2 (20). С. 6–26.
31. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Имиджевые ресурсы территории: стратегии анализа и концептуальное осмысление (на примере проекта по формированию брендов городов Свердловской области) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 26–45.
32. Абашиев В.В. Городское пространство как аккумулятор коллективной памяти // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2014. № 2 (26). С. 136–148.
33. Стрельникова А.В. Коллективная память в городском пространстве: места памяти об Афганской войне // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6. С. 118–125.
34. Артюшкина В.В. Праздничная культура как способ репрезентации культурной памяти // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 5 (79). С. 138–145.
35. Тульчинский Г.Л. Total branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2013. 279 с.
36. Луман Н. Медиа коммуникации. Москва : Логос, 2005. 280 с.
37. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.
38. Saunders M. Life-writing, cultural memory, and literary studies // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook. Berlin ; New York : Walter de Gruyter. 2008. P. 321–332.
39. Федотова Н.Г. Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 39. С. 130–143.
40. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана ; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. Москва, 2000. 606 с.
41. Zierold M. Memory and media cultures // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook. Berlin ; New York : Walter de Gruyter. 2008. P. 399–408.
42. Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Полития. 2013. № 4 (71). С. 114–126.
43. Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. Москва : Кружок, 2006. С. 47–55.
44. Olick J. The sins of the fathers. Germany, Memory, Method. Chicago : The University of Chicago Press, 2016. 496 p.
45. Горнова Г.В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 18–21.
46. Руцинская И.И. Историко-культурные достопримечательности как «места памяти» в России второй половины XIX — начала XX в. : Региональный масштаб // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура : сборник. Т. 4. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. С. 16–42.
47. Стрельникова А.В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2 (82). С. 231–238.
48. Нора П. Франция-память. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 333 с.
49. Замятин Д.Н. Пространство и гетеротопия: к семиотике метагеографического воображения // Человек: Образ и сущность. 2020. № 1 (41). С. 29–52.
50. Макарычев А.С. Городская идентичность и историческая память: политический Берлин в образах и нарративах // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 4–14.

City's Cultural Memory: Modern Practices of Symbolizing the Past

Natalia G. Fedotova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya Str., Veliky Novgorod, 173003, Russia

ORCID 0000-0003-4225-3666; SPIN 9484-2564

E-mail: fedotova75@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the discourse of the city's cultural memory. The relevance of studying this topic is determined not only by the fundamental aspect associated with the episodicity of existing studies of this phenomenon. From an applied point of view, the city's cultural memory is a symbolic resource that can be used to create an appealing image, form a sustainable urban identity, and strengthen the citizen's sense of belonging to the city. The accumulation and objectification of cultural memory take place in symbolic forms, which makes it important to study the practices of symbolizing the urban past, the essence of which is to generate the significance of the relevant or latent layers of cultural memory for the citizens.*

The article presents the results of the final stage of research related to the study of the process of constructing the cultural memory of the city. The purpose of the article is to analyze modern practices of symbolizing fragments of the urban past, which mean their significance for contemporaries. Basing on the culturological cross-section of the issue, the author integrates different research contexts. The methodological basis of the article is the communicative approach that focuses on the processes of meaning formation, and the constructivist method that considers memory as a multi-layered and dynamic construct. Analyzing the practices of symbolizing the urban past by the example of Russian cities, the author of the article demonstrates how the episodes of the city's memory are updated in the modern world, how cultural meanings become memorable for citizens. The author uses the results of previous studies and identifies the following elements of the symbolization of the urban past: a) ways of encoding fragments of the past; b) communicative trajectories of memory symbolization; c) factors of producing meanings about the collective past of the city. The obtained results open up new frontiers in understanding the processes of formation of the collective ideas about the city, and prospects for empirical research, forecasting and constructing the cultural memory of Russian cities, giving them the opportunity to change their present and future.

Key words: city's cultural memory, collective memory, symbolic practices, culture and personality, everyday culture.

Citation: Fedotova N.G. City's Cultural Memory: Modern Practices of Symbolizing the Past, *Observatory of Culture*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 352–364. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-4-352-364.

Acknowledgements.

This article is written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-111-50476 “City's Cultural Memory: Modern Practices of Symbolizing the Past”.

References

1. Castells M. *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture*, vol. II, Chichester, Wiley-Blackwell Publ., 2010, 538 p.
2. Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Frameworks of Memory]. Moscow, Novoe Publ., 2007, 346 p.
3. Assmann J. *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004, 368 p. (in Russ.).
4. Assmann A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New Discontent with Memorial Culture]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2016, 223 p.
5. Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2014, 328 p.
6. Erll A. *Cultural Memory Studies: an Introduction, Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 2008, pp. 1–18.
7. Shub M.L. Social, Collective, and Cultural Memory: A New Approach to the Definition of the Semantic Borders of Concepts, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2017, vol. 14, no. 1, pp. 4–11. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-1-4-11 (in Russ.).
8. Bloomfield J. Researching the Urban Imaginary: Resisting the Erasure of Places, *European studies: a journal of European culture, history and politics*, 2006, no. 23, pp. 45–61.
9. Fedotova N.G. Visual Carriers of City's Cultural Memory (On the Example of Veliky Novgorod), *PRAKSEMA. Problemy vizual'noi semiotiki* [PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics], 2019, no. 2 (20), pp. 42–62. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-2-42-62 (in Russ.).
10. Vandyshev M.N., Veselkova N.V., Pryamikova E.V. Les Lieux de Mémoire and Symbolic Capital of Territories in Mental Maps of Town-Dwellers, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2013, vol. 16, no. 3 (83), pp. 101–121 (in Russ.).
11. Krokinskaya O.K. Cultural Memory and Experience in the Practice of Designing the Future in Everyday Consciousness, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2016, vol. 19, no. 4 (87), p. 142–158 (in Russ.).

12. Buckler J. The City's Memory: Texts of Preservation and Loss in Imperial St. Petersburg, *Preserving Petersburg. History, Memory, Nostalgia*, Indiana University Press Publ., 2008, pp. 39–56.
13. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow, Kanon+ Publ., 2007, 480 p.
14. Kapitsyn V.M. Politics of Memory and the Symbolic Design of the Urban Environment, *Vestnik instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2015, no. 2 (13), pp. 30–42 (in Russ.).
15. Shub M.L. Modern Commemorative Practices: Educational and Pedagogical Potential, *Chelyabinskii gumanitarii* [Chelyabinsk Humanitarian], 2016, no. 3 (36), pp. 80–87 (in Russ.).
16. Assmann J. Communicative and Cultural Memory, P. Meusburger, M. Heffernan, E. Wunder. *Cultural Memories. The Geographical Point of View*. London, New York, 2011, pp. 15–27.
17. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of Symbolic Forms]. St. Petersburg, Universitetskaya Kniga Publ., 2002, vol. 1, 272 p.
18. Yates F.A. *The Art of Memory*. St. Petersburg, Fond Podderzhki Nauki i Obrazovaniya "Universitetskaya Kniga" Publ., 1997, 489 p. (in Russ.).
19. Olick J.K. "Memory Is Not a Thing, It Is Not an Object. Memory Is an Ongoing Process": an interview with J.K. Olick, *Istoricheskaya ekspertiza* [The Historical Expertise], 2018, no. 4 (17), pp. 11–21. DOI: 10.31754/2409-6105-2018-4-11-21 (in Russ.).
20. Lamont M. Culture and Identity, J.H. Turner (ed.) *Handbook of Sociological Theory*. New York, 2002, pp. 171–185.
21. Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected Articles: in 3 volumes. Volume 1: Articles on Semiotics and Typology of Culture]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, 479 p.
22. Zavershinsky K.F. Political Myth as a Subject of Research in Contemporary Cultural Sociology, *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture], 2019, no. 2, pp. 252–254 (in Russ.).
23. Makarov A.I. Politics of Memory as an Element of Regional Cultural Life, *Vlast'* [The Authority], 2008, no. 12, pp. 8–11 (in Russ.).
24. Baudrillard J. *Simvolicheskii obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000, 389 p.
25. Chernyavskaya O.S. Nizhny Novgorod as Citizens See It: Inside Image of the City, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences], 2013, no. 1 (29), pp. 69–76 (in Russ.).
26. Augé M. From the Imaginary City to the Fictional City, *Khudozhestvennyi zhurnal* [Moscow Art Magazine], 1999, no. 24. Available at: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (accessed 08.06.2021) (in Russ.).
27. Wertsch J.W. Collective Memory, *Memory in Mind and Culture*. Cambridge University Press Publ., 2009, pp. 117–137.
28. Brockmeier J., Harre R. Narrative: Problems and Premises of an Alternative Paradigm, *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2000, no. 3, pp. 29–42 (in Russ.).
29. Malinova O.Yu. Politics of Memory as a Branch of Symbolic Politics, *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Studying the Politics of Memory], 2018, pp. 27–53 (in Russ.).
30. Tulchinsky G.L. Symbolic Presentation of Past: Narratives, Levels, Forms, *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2016, no. 2 (20), pp. 6–26 (in Russ.).
31. Zamyatin D.N., Zamyatina N.Yu. Image Resources of a Territory: Analysis Strategies and Conceptual Perception (Study of Sverdlovsk Region Cities Branding), *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies], 2015, no. 1, pp. 26–45 (in Russ.).
32. Abashev V.V. Urban Space as an Accumulator of Collective Memory, *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2014, no. 2 (26), pp. 136–148 (in Russ.).
33. Strelnikova A.V. Collective Memory in the Urban Space: Places of Memory about the Afghan War, *Interaktsiya. Interv'yū. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 2011, no. 6, pp. 118–125 (in Russ.).
34. Artyushkina V.V. Festive Culture as a Way of Representation of Cultural Memory, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2017, no. 5 (79), pp. 138–145 (in Russ.).
35. Tulchinsky G.L. *Total branding: mifodizain postinformatsionnogo obshchestva. Brendy i ikh rol' v sovremennom biznese i kul'ture* [Total Branding: The Post-Information Society's Myth Design. Brands and their Role in Modern Business and Culture]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 2013, 279 p.
36. Luhmann N. *Media kommunikatsii* [Media Communications]. Moscow, Logos Publ., 2005, 280 p.
37. Olick J. Figurations of Memory: A Process-Relational Methodology Illustrated on the German Case, *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2012, vol. 11, no. 1, pp. 40–74 (in Russ.).
38. Saunders M. Life-Writing, Cultural Memory, and Literary Studies, *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 2008, pp. 321–332.
39. Fedotova N.G. Practices of Urban Commemoration: Features of the City Cultural Memory Formation, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], 2020, no. 39, pp. 130–143 (in Russ.).
40. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, 2000, 606 p.

41. Zierold M. Memory and Media Cultures, *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 2008, pp. 399–408.
42. Miller A.I. Role of Expert Communities in Memory Politics in Russia, *Politiya* [Politeia], 2013, no. 4 (71), pp. 114–126 (in Russ.).
43. Arnautova Yu.A. Memory Culture and the History of Memory, *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and Memory: The Historical Culture of Europe before the Beginning of Modern Times]. Moscow, Krug" Publ., 2006, pp. 47–55 (in Russ.).
44. Olick J. *The Sins of the Fathers. Germany, Memory, Method*. Chicago, The University of Chicago Press Publ., 2016, 496 p.
45. Gornova G.V. Collective Memory and Practices of Commemoration in Forming Urban Identity, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], 2017, no. 2 (15), pp. 18–21 (in Russ.).
46. Rutsinskaya I.I. Historical and Cultural Attractions as "Places of Memory" in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Regional Scale, *Sotsial'no-gumanitarnye problemy sovremennosti: chelovek, obshchestvo, i kul'tura: sbornik* [Socio-Humanitarian Problems of Modernity: Man, Society, Culture: collection], vol. 4. Krasnoyarsk, Nauchno-Innovatsionnyi Tsentr Publ., 2011, pp. 16–42 (in Russ.).
47. Strelnikova A.V. "Sites of Memory" in Urban Space, *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series], 2012, no. 2 (82), pp. 231–238 (in Russ.).
48. Nora P. *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskogo Universiteta Publ., 1999, 333 p.
49. Zamyatin D.N. Space and Heterotopy: To Semiotics of Metageographic Imagination, *Chelovek: Obraz i sushchnost'* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], 2020, no. 1 (41), pp. 29–52 (in Russ.).
50. Makarychev A.S. Urban Identity and Historical Memory: Political Berlin in Images and Narratives, *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies], 2012, no. 2, pp. 4–14 (in Russ.).

НОВИНКА

Румянцевские чтения — 2021 : материалы Международной научно-практической конференции (21–23 апр. 2021) : в 2 ч. Москва : Пашков дом, 2021. Ч. 1. 570, [2] с. ; Ч. 2. 584, [2] с.

Сборник содержит материалы Международной научно-практической конференции «Румянцевские чтения – 2021», ежегодно проводимой в Российской государственной библиотеке. На конференции традиционно рассматривается широкий круг вопросов теории и практики книговедения, библиотековедения и библиографоведения. В издании представлены работы, посвященные изучению рукописных и печатных книг, изданий, нот, их созданию и бытованию, раскрытию фондов книгохранилищ и архивов, истории библиотек, музеев, частных собраний, выдающимся деятелям науки и культуры прошлого. В сборник включен наиболее полный из существующих обзоров исследований XIX–XXI вв., посвященных Н.П. Румянцеву. Также в него вошли статьи по вопросам библиотечно-библиографической классификации, профессиональной подготовки специалистов библиотечно-информационной сферы, деятельности российских и зарубежных библиотек (в том числе особенности работы учреждений в условиях мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции).

Справки и приобретение:

Российская государственная библиотека, Издательство «Пашков дом»
119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5
Тел.: +7 (495) 697-59-53, +7 (499) 557-04-70, доб. 26-46
E-mail: Pashkov_Dom@rsl.ru, sale.pashkov_dom@rsl.ru
Книжные магазины РГБ: главное здание, 1-й и 3-й подъезды